

В. М. ПАНЕЯХ

ДОБРОВОЛЬНОЕ ХОЛОПСТВО В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVI—XVII вв. (1550—1649 гг.)

Так называемое добровольное холопство (или добровольная служба, бескабальная служба) стало предметом всесторонней правовой регламентации лишь с конца XVI в., однако уже в Судебнике 1550 г. могут быть обнаружены в зародыше некоторые тенденции последующей политики московских властей в этом вопросе. Имеем в виду ст. 82: «А кто займет сколке денег в рост, и тем людям у них не служити ни у кого, жити им себе, а на денги рост давати им. А кто даст денег в заем, да того человека станет дряжати у себя, и збежит у него тот человек покрадчи, и что снесет, то у него пропало, и по кабале денег лишен».¹

Б. А. Романов, автор комментария к Судебнику 1550 г. (в академическом издании судебныхников), предложил трактовку ст. 82, отличающуюся всесторонностью и глубиной. Б. А. Романов считает, что наиболее правильно рассматривать ее как постановление, имеющее целью «поощрение покупателя к закреплению человека путем служилой кабалы во что бы то ни стало», так как составитель «озабочен именно тем, чтобы держащий у себя во дворе своего должника впредь оказывал решительное предпочтение кабале служилой перед кабалой ростовой».² Б. А. Романов основывает свой анализ ст. 82 на рассмотрении той ситуации, которую имел в виду составитель Судебника, и задается вопросом: «Каково было отношение суда — до Судебника — к описанной в ст. 82 ее развязке?». «В поисках рабочих рук, — пишет Б. А. Романов, — кредитор в данный момент не мог найти их на иных условиях, как ростовая кабала; вступивший в долговое обязательство не был в таком ультимативном поло-

¹ Судебники XV—XVI веков. Подготовка текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Комментарии А. И. Коланева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина. Под общей редакцией Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952, стр. 170.

² Б. А. Романов. Комментарий [к Судебнику 1550 г.]. В кн.: Судебники XV—XVI веков, стр. 295—296.

жении, чтобы согласиться надеть на себя петлю служилой кабалы... Таково было соотношение сил в момент заключения сделки, создавшее положение весьма неустойчивого равновесия». При этом «в ст. 82 нет и намек» на «насильственное удержание кредитором своего должника: пользуясь терминологией Татищева, это было добровольное проживание „по приятству“, а „не холоводство“». Однако, когда «должник исчезал со двора „покрадчи“, с житейской точки зрения (не формальной) это казалось „бегством“ даже составителю Судебника 1550 г.», и потому «любой судья — до Судебника 1550 г. — судил бежавшего как татя, и вернул бы его кредитору как недобросовестного должника „до искупа“. Теперь статья 82 решительно отвергает это: сам виноват, не держи холопа без крепости».³ Эти последние наблюдения Б. А. Романова имеют для нас особую ценность: здесь показано, во-первых, что составитель Судебника в противоположность сложившейся ранее практике квалифицировал отношения между кредитором и заемщиком (по ростовой кабале), в случае службы последнего в хозяйстве кредитора, в качестве одной из форм зависимости, которая позднее стала называться добровольным холодством (недаром Б. А. Романов сопоставил ст. 82 Судебника с указом от 7 марта 1607 г. о добровольном холодстве и ст. 17 главы XX Соборного уложения 1649 г., посвященной тому же сюжету⁴), а сумму займа — как оплату за такую службу и, во-вторых, что законодатель весьма неодобрительно относился по крайней мере к данной форме добровольной службы.

Прошло пять лет, и в 1553 г. (11 октября) был принят указ, дающий основание для суждений об отношении центральных властей к добровольной службе в целом.⁵

Как раз накануне этого, в 1553/54 г. была оформлена духовная Ивана Истомина сына Курчева, которая проливает некоторый свет на характер отношений между холоповладельцами и людьми, служившими без крепости: «А что людей моих, чем отец и мати наша благословила и пожаловали, по намети отца нашего духовной моя половина полных и докладных и кабалных и без крe-

³ Там же, стр. 294—295.

⁴ Там же, стр. 295.

⁵ Памятники русского права (далее ПРП), вып. 4. М., 1956, стр. 514: «Лета 7064-го октября в 11 день по памяти е приписью дьяка Ивана Безсонова, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил со всеми бояры, и приказал бояром, которые люди учнут у кого служити доброволно бес крепости, а пойдут от них прочь с отказом или без отказу, и те люди, у которых они служили, учнут на них искати сносов, на сколько нибуди, — и тем людем у которых служили, на тех людей суда не давати по тому, что у него служил доброволно, и он его не хоти от себя отпустить, да на нем ищет сносу, что у него пропало, то и у себя потерял того для, что доброволному человеку верил, и у себя его держал без крепости. И бояре в сесь Судебник велели написать, да и в города к выборным головам послати, чтобы они о доброволных людях судили по сему приговору».

постных отпустить (разрядка наша,— В. П.)».⁶ Обращает на себя внимание прежде всего, что люди, служившие без крепости и отпускаемые теперь на волю, достались холоповладельцу по наследству, т. е. находились в наследственной зависимости. Следовательно, и отпуск их на волю в данном случае на практике был делом, всецело зависящим от господина, который вовсе не обязательно должен был отпускать их по духовной, а мог поступить по примеру своего отца, ведь «безкрепостные» люди разделили здесь судьбу холопов полных, докладных и кабальных.

Указ 1555 г. как раз и внес в положение людей, находящихся на добровольной службе, элемент регламентации. Этим указом запрещалось задерживать людей, которые служили у кого-либо «добровольно бес крепости». Составитель указа имел, очевидно, основания подозревать холоповладельцев в возможности предъявления покينувшим их людям, служившим без крепости, ложных исков о краже имущества с одной только целью — вернуть и закрепить их за собой раз и навсегда. Однако власти отказывались теперь разбираться в обоснованности подобных обвинений, фактически квалифицируя казус с ложными исками как частный случай, и решали проблему в целом уже по накатанному — по образцу ст. 82 Судебника 1550 г.

Как в ст. 82 бежавший со двора господина человек, связанный документально с холоповладельцем лишь ростовой кабалой, хотя бы он совершил кражу, признавался свободным и не привлекался к ответственности, так и в указе уход человека, служившего без крепости, не влек за собой никаких санкций, а иск о краже господского имущества оставлялись без внимания во всех случаях и вне зависимости от степени обоснованности таких обвинений. В указе 1555 г. дается и развернутая мотивировка подобного решения: «... то и у себя потерял того для, что добровольному человеку верил и у себя его держал бес крепости». И если ст. 82 нагоняла страх на заимодавца,⁷ вынуждая его крепить фактически добровольных холопов, связанных с ним лишь ростовой кабалой, то и составитель указа 1555 г. также озабочен был не столько тем, чтобы обеспечить свободу «добровольному человеку», сколько тем, чтобы отказом в правовой защите и под угрозой систематического и уголовно не преследуемого обворовывания людьми, служившими без крепости, дворов своих господ стимулировать холоповладельцев к взятию каких-либо крепостей на поступающих к ним в службу людей.

Принятие указа 1555 г. может служить симптомом количественного роста института добровольного холопства даже по сравнению с 1550 г. и вместе с тем намечающейся тенденции к за-

⁶ АФЗиХ, ч. II. Подготовлены к печати А. А. Зиминим. М., 1956, № 248, стр. 251.

⁷ См.: Б. А. Романов. Комментарий [к Судебнику 1550 г.], стр. 296.

крепощенню различных свободных категорий населения. Так или иначе, но между ст. 82 Судебника 1550 г. и указом 1555 г. обнаруживается безусловная общность и в ситуации, которая в них рассматривается (уход или бегство человека, чья зависимость не закреплена документально), и в осложняющих эту ситуацию обстоятельствах (кража господского имущества), и, наконец, в предписаниях обоих памятников (признание такого ухода законным даже и при краже) — вне зависимости от того, что в ст. 82 речь фактически идет об одной разновидности добровольной службы (когда господина покинул человек, чья формальная связь с ним ограничивалась лишь ростовой кабалой, и именно служба по ростовой кабале теперь опорочивалась), а в указе 1555 г. — о добровольной службе в целом (в борьбе с которой теперь были применены точно те же меры, что и к службе по ростовой кабале). Таким образом, можно констатировать, что неодобрительное отношение к добровольной службе в той ее форме, которая явилась предметом рассмотрения в ст. 82 Судебника 1550 г., переросло к 1555 г. в отрицательное отношение к добровольной службе вообще.⁸

Однако между двумя рассмотренными законодательными памятниками имеется одно, на первый взгляд малозначительное, но весьма симптоматичное терминологическое различие. В ст. 82 нечестование должника со двора господина «покрадчи» квалифицируется, «с житейской точки зрения», по-старому как бегство («збежит у него тот человек покрадчи»), хотя сама ст. 82

⁸ Б. Д. Греков считал, что «закон 1555 г. ... отвечает только на один, по-видимому, наиболее часто встречающийся в практике случай, когда хозяин хотел удержать у себя вольного работника, имеющего полное право уйти от хозяина», причем связывает данный указ со ст. 83 Судебника 1550 г., в которой речь идет о наймите (Б. Д. Греков, *Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века*, М.—Л., 1946, стр. 580, 581). Б. Д. Греков при этом не склонен был «согласиться с мнением некоторых ученых, которые видят в законе 1555 г. свидетельство отрицательного отношения власти к добровольной службе», и солидаризировался с точкой зрения В. О. Ключевского, утверждавшего, что смысл указа ограничивается предоставлением возможности добровольному слуге уйти когда он хотел и отрицанием права у хозяина искать на нем сноса (там же, стр. 863). Б. Д. Греков, однако, недооценил, с нашей точки зрения, два обстоятельства. 1) В ст. 83 Судебника 1550 г. идет речь о категории людей, получивших по крайней мере еще со времени Судебника 1497 г. (ст. 54), если не Псковской судной грамоты (ст. 40), определенный и вполне устойчивый термин («наймиты»), тогда как в указе 1555 г. фигурирует иная терминология («добровольный человек», «служил добровольно»). Подобная терминологическая несовместимость порождает сомнение в правомерности связывать указ со ст. 83 Судебника 1550 г. 2) В указе 1555 г. не делается различий между ложными исками о краже господского имущества и исками, имеющими реальные основания, и с этими последними предписывается поступать так же, как с ложными, т. е. не принимать их к рассмотрению вовсе. Такая суровая мера должна иметь причину, которую и естественно искать в отрицательном отношении властей к добровольной службе.

«решительно отвергает»⁹ такой подход и, оставляя такое бездельство без внимания, фактически признает его законным. Другое дело указ 1555 г. Пяти лет оказалось вполне достаточно, чтобы повторство ст. 82 было осознано самими законодателями, и потому они в указе 1555 г. не допускают случайной оговорки и вместо бытового термина «збежит» вводят определенный, юридически точный оборот, соответствующий смыслу самой нормы: «... а пойдут от них прочь с отказом или без отказу».

Однако в указе 1555 г. не употребляется термин «добровольное холопство», а речь идет о добровольной службе без крепости, добровольном человеке, хотя в XVI в. «человек» часто был синонимом «холопа». Очевидно, все же законодатели еще не вполне осознали, что добровольная служба фактически являлась формой холопства или во всяком случае в быту постепенно приобретала «холопьи» черты. Термин «добровольное холопство» не проник еще и в быт. Так, в цитированной выше духовной Ивана Кучева люди, находившиеся на добровольной службе, названы «безкрепостными».

Были ли предпринятые в 50-х годах меры против добровольной службы сколько-нибудь действенными и способны ли были они хотя бы незначительно затормозить количественный рост института добровольного холопства, судить трудно. Во всяком случае еще в 1598 г. в Новгороде была предъявлена к перерегистрации ростовая кабала, которой холоповладелец пытался закрепить за собой семью должника и получил отказ в полном соответствии с Судебником 1550 г.¹⁰

Некоторые косвенные данные о реализации указа 1555 г. дают материалы новгородских кабальных книг 90-х годов XVI в. (до февральского уложения 1597 г. о холопстве). В них можно обнаружить сведения о деятельности кабальных холопов до похолопления. Из 189 кабальных людей, сведения о деятельности которых до похолопления имеются, 75 человек указали, что находились на добровольной службе (39,6%).¹¹ При этом были на добровольной службе у кабаловладельца, к которому поступали в кабалу, 20 человек (10,6%).¹² Таким образом, 29%, давших на себя служилую кабалу, были прежде добровольными холопами других холоповладельцев и покинули их «с отказом или без отказу», а возможно, и безнаказанно обокрав своего бывшего господина.

⁹ Б. А. Романов. Комментарий [к Судебнику 1550 г.], стр. 295.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1144, кн. 1, л. 115 об.: «Кабала Карина Федорова сына з женою и з детьми, и та кабала Роману [холоповладельцу, — В. П.] отдана не записав, потому что кабала писана не служивая; имал денги в росты, на те им денги давать росты. А кто в лицех, на том денги и рост».

¹¹ В. М. Панеях. Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967, стр. 49, табл. 10.

¹² Там же, стр. 50, табл. 11.

т. е. в полном соответствии с теми обстоятельствами, которые были предусмотрены указом 1555 г. Однако приведенные цифры отражают только один период в истории добровольной службы и не могут точно характеризовать тенденцию развития института под непосредственным влиянием указа 1555 г. вне их сравнения с аналогичными данными для предшествующего периода. Ясно лишь, что действие ст. 82 Судебника 1550 г. и указа 1555 г. не привело к полной ликвидации добровольного холопства, роль которого, как видно, оставалась весьма значительной, хотя холоповладельцы в 90-х годах охотно оформляли на своих собственных добровольных холопов служилые кабалы, к чему их пытались подтолкнуть центральные власти еще в 50-х годах XVI в.

Живучесть института добровольного холопства и заинтересованность феодального государства в его ликвидации демонстрируют и законодательные мероприятия московских властей в конце XVI—начале XVII в. В этом смысле особое значение имело уложение 1597 г. о холопстве. Являясь одним из важнейших законодательных актов после Судебника 1550 г., уложение 1597 г. уделяет большое внимание и добровольному холопству.¹³ Прежде всего, по мысли составителя уложения 1597 г., в процессе практической его реализации все, без исключения, добровольные холопы должны были вместе с их господами предстать перед властями на предмет определения длительности службы без крепости. Если при этом оказывалось, что срок такой службы не достиг полугода, добровольный холоп, не желающий сразу же дать на себя служилую кабалу, отпускался властями на свободу. Вслед за тем уложение 1597 г. вводило норму, которой точно предусматривались условия насильственного оформления служилых кабал на добровольных холопов; для этого господин должен

¹³ ПРП, вып. 4, стр. 374: «А о волных людех приговорил государь со всеми бояры. Которые люди, на Москве и по городом, служат у ково добровольно, и Михаилу Ивановичю и дяку Пятому тех волных людей велети ставити перед собою, с теми людьми, кто у кого служит добровольно, да тех волных людей расширявати: сколь давно хто у ково служит добровольно, и кабалу на себя даст ли? И которые люди волные послужили у ково недель пять-шесть, а кабал на себя дати не похотят, и тех людей отпущати на волю. А хто скажет, послужил у ково добровольно с полгода и болши, а кабалы на себя дати не похочет, а сыщут, что тот добровольный холоп у того человека служил с полгода, — и на тех волных холопей служивые кабалы давати, и челобитья их в том не слушати, потому что тот человек того добровольного холопа кормил и одевал и обувал. А который государь тово добровольного холопа одевал и обувал и кормил, и тово добровольного холопа исключительно никому, мимо того государя, никак не приимати. А кто того добровольного холопа мимо нынешнее новое государево царско и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенье, примет, и тех добровольных холопей, сыскав, отдавати со всем старым их государем, у ково хто служил добровольно, а в сносе давати суд и управа, по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу».

был доказать, что такой холоп прожил в его дворе не менее полу-года.

Однако само уложение не определяет способа доклада и регистрации кабал, взятых на добровольных холопов, и вообще не дает возможности судить о практической реализации данного постановления. Все же наблюдения над сохранившимися отрывками новгородских кабалных книг для регистрации служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших не менее полу-года, и документально не оформленных старинных холопов¹⁴ (в частности, над временем их ведения и контингентом закабаляемых) свидетельствуют о том, что их составление было связано с уложением 1597 г.¹⁵

Сравнение этих книг с обычными кабалными книгами текущей регистрации¹⁶ и записными книгами старых крепостей¹⁷ приводит к выводу, что составители уложения 1597 г. предписали в отношении тех добровольных холопов, которые до начала реализации уложения (т. е. до 1597—1598 гг.) прослужили у своих господ не менее полугода, провести обязательное и срочное оформление служилой кабалой их неволи, причем это мероприятие должно было быть завершено не позднее истечения одного года со дня принятия уложения 1597 г. (1 февраля).¹⁸

Анализ новгородской записной книги старых крепостей и служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших без крепости не менее полугода, и документально не оформленных старинных холопов¹⁹ подтверждает этот вывод и придает ему значительную степень достоверности.

¹⁴ Сохранились отрывки двух новгородских кабалных книг для регистрации служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, и документально не оформленных старинных холопов: 1) Новгородская кабалная книга. 15—20 декабря 1597 г. ГБЛ, собр. Беляева (ф. 29), № 1622, л. 1—112 об. (15—19 декабря 1597 г.); ГПБ, Q, П, № 136, л. 1—8 об. (19—20 декабря 1597 г.). Опубл.: Новгородская кабалная книга 7106 (1597) года. РИБ, т. 15, СПб., 1894, разд. III, стр. 1—55 (рукопись из ГБЛ); Летопись занятий Археографической комиссии за 1909 год, вып. 22, СПб., 1910, стр. 2—6 (рукопись из ГПБ). 2) Новгородская кабалная книга. 10—16 января 1598 г. ЦГАДА, ф. 1144, кн. 6, л. 1—237 об.; см. также: Список кабалных книг и записных книг старых крепостей XVI в. В кн.: В. М. Панеях. Кабалное холопство на Руси, стр. 145—148.

¹⁵ См.: В. М. Панеях. Уложение 1597 г. о холопстве. Истор. записки, т. 77, 1965, стр. 180.

¹⁶ См., например: 1) Новгородские записные кабалные книги 100—104 и 111 годов. Под ред. проф. А. И. Яковлева. М.—Л., 1938, ч. I, стр. 1—52; 2) Новгородские кабалные книги 7108 года. РИБ, т. 15, СПб., 1894, стр. 1—33.

¹⁷ См., например: Записная книга старых крепостей 1598 г. А. И. Конаев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, М.—Л., 1966.

¹⁸ В. М. Панеях. Уложение 1597 г. о холопстве, стр. 181—182.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7, л. 35—48 об., 51—79.

Записи в этой книге делались всякий раз по специальному распоряжению царя, потому что холоповладельцы не успели перерегистрировать холопов крепости в общем порядке — до истечения годового срока со дня принятия уложения 1597 г. (т. е. до 1 февраля 1598 г.).²⁰

В этих записях содержатся ссылки на уложение 1597 г., причем оно излагается как предписание срочно и одновременно перерегистрировать старые крепости на холопов и в обязательном порядке взять новые служилые кабалы на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода.²¹ Опоздание лишь по уважительной причине давало право холоповладельцам получать в виде исключения специальные разрешения перерегистрировать старые крепости на холопов и брать новые служилые кабалы на добровольных холопов, прослуживших менее полугода, причем и для тех, и для других крепостей крайний льготный срок в Новгороде был установлен один — 1 сентября 1598 г. Существование такого льготного срока свидетельствует, между прочим, о том, что после января 1598 г. ведение кабальных книг для регистрации служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, и документально не оформленных старинных холопов было, как правило, прекращено. Это соответствовало смыслу уложения 1597 г., которое, предписав в срочном порядке перевести всех, без исключения, документально не оформленных холопов, прослуживших к моменту реализации данного уложения не менее полугода, в категорию кабальных людей, не запрещало, однако, бескабальную службу в будущем. Возможно, именно этим объясняется употребление в уложении глагола настоящего времени: «... которые люди на Москве и по городам служат добровольно...». Существование и после 1597 г. в течение продолжительного времени бескабальной службы, значительно превышающей по длительности полугодовой срок, свидетельствует о том же.

Применительно к добровольным холопам, полугодовой срок службы которых истекал после реализации уложения 1597 г. (т. е. после 1597—1598 гг.), уложение давало общую норму для решения спорных случаев в отношениях между господином и добровольным холопом, вовсе не требуя в обязательном порядке кабалить всех, без исключения, добровольных холопов, служба которых началась бы впрямь. Уложение 1597 г. несомненно стимулировало холоповладельцев к оформлению добровольной службы, возникающей после 1597—1598 гг., кабалой как можно скорее, потому что предписывало давать служилые кабалы на добровольных холопов (если этого требовали холоповладельцы) при одном только условии: в случае представления соответствующей

²⁰ В. М. Панеях. Уложение 1597 г. о холопстве, стр. 182.

²¹ ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7, л. 35—35 об., 51, 57 об., 62—62 об.; В. М. Панеях. Уложение 1597 г. о холопстве, стр. 183.

щего обоснования факта по меньшей мере полугодового пребывания их во дворе господина. Само собой разумеется, что подобные доказательства легче было представить сразу же по истечении полугодия, чем позднее, когда холоп мог бежать.²²

Но наиболее радикальными в отношении добровольного холопства были не эти несомненно закрепостительные предписания уложения 1597 г. Убедившись, очевидно, на основе опыта реализации указа 1555 г. в невозможности искусственными мерами принудить массу добровольных холопов к оформлению их отношений с господами какими-либо крепостными актами, составители уложения 1597 г. установили в качестве обязательной нормы службу добровольного холопа, прожившего по крайней мере полгода у господина, по смерти его господина (если, разумеется, господин не пожелает его отпустить). Тем самым добровольная служба практически приравнивалась к кабальному холопству, каким оно становилось в связи с преобразованиями того же уложения 1597 г., и лишалась специфической черты вольной службы, заключающейся в праве прервать безвозмездно свою зависимость в любой момент. Одновременно уложение 1597 г. запрещало другим холоповладельцам принимать добровольных холопов «мимо того государя», т. е. фактически без предъявления отпускных прежнего владельца, хотя бы они у него служили формально «добровольно». Но проведя это мероприятие и предписав «в споре давати суд и управа» даже и в случае отсутствия документального укрепления отношений между господином и холопом, составители уложения 1597 г. отменяли тем самым указ 1555 г. вообще²³ и в частности отказывались от той, очевидно, не оправдавшей себя, по их мнению, формы давления на холоповладельца при помощи угрозы уголовно не преследуемого ограбления его имущества, которая подразумевалась в указе 1555 г.

Сопоставление уложения 1597 г. с указом 1555 г. любопытно и в другом отношении. Выше уже отмечалось, что в указе 1555 г. добровольная служба не определяется еще терминологически как холопство. Лишь в уложении 1597 г. данная категория наряду с прежними обозначениями («добровольные люди», «слу-

²² Холоповладельцы, стремившиеся гарантировать себя от всяких случайностей, охотно брали служилые кабалы на добровольных людей и до истечения полугодового срока. Так, 14 февраля 1602 г. Светлой Посников сын Негановский привел к губным старостам Калинку Слоутина сына для регистрации служилой кабалы и сказал: «...служит деи у меня тот Калининка безкабально с Семена дни, а Калининка сказал, я деи у Светлого служил с Рожества Христова, а послужилец де я Казарина Мякишина, и Светлой отпускную клал за Казариновою рукою Мякишина». Противоречивые показания господина и холопа не играют роли, так как и в том и в другом случае полгода еще не истекло, а Калининка «на себя кабалу дает» (Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов, ч. II, стр. 25—26).

²³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 879.

жит добровольно») получает впервые в законодательстве термин «холоп» в противостественном по существу сочетании — с определениями «добровольный», «вольный» («добровольный холоп», «вольный холоп»). Не вызывает никакого сомнения, что эта терминологическая эволюция отражала общую закрепостительную тенденцию конца XVI в. А в сознании, в быту и в праве понятие «крепости» в первую очередь пока еще связывалось с холопством.

Прошло десять лет, и 7 марта 1607 г. правительство царя Василия Шуйского обнародовало указ,²⁴ в котором провозглашался решительный отход от закрепостительных принципов регулирования отношений между холоповладельцами и добровольными холопами, установленных уложением 1597 г. о холопстве.

И. И. Смирнов справедливо поставил этот указ в связь «с общим характером политики Шуйского по вопросу о холопах», заключающейся в том, чтобы «удержать их от присоединения к лагерю Болотникова».²⁵ По мнению А. А. Зимина, указом от 7 марта 1607 г. «правительство стремилось расколоть лагерь крестьян и холопов, участвовавших в антифеодальной борьбе».²⁶ И действительно, запрещая принудительно оформлять кабальное холопство на добровольных холопов, даже и прослуживших добровольно более полугода, и тем самым отменяя соответствующие постановления уложения 1597 г., правительство Василия Шуй-

²⁴ ПРП, вын. 4, стр. 376—377: «Лета 7115 марта в 7 день, государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии указал о добровольных холопах. Которые холопи у бояр, и у дворян, и дьяков, и у приказных людей и у детей боярских, и у иноземцев, и у всяких служивых людей послужат в холопах добровольно, полгода или год, или болши, а не в холопстве родились и не старинные их люди, а кабал на себя те холопи государем своим дати не похотели; и на тех добровольных холопей в Приказе Холопня Суда учнут государи их бити челом о кабалах, и тех добровольных холопей государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии велел расспрашивать: сколько он у тех государей своих добровольно служит? Да будет которые добровольные холопи в роспросе скажут, что служат полгода, или год, или болши, а кабал дати не хотят ино тех добровольных холопей в неволю давати не велеть, а им тем людем в кабалах отказывати: не держи холопа без кабалы ни одново дни, а держал безкабално и кормил и то у себя сам потерял. А которые добровольные холопы в роспросе сами скажут, что они служили полгода, или год, добровольно, и впредь хотят служить по кабалам и кабалы на себя дают, — и на тех добровольных холопей кабалы государь указал давати, по прежнему своему государеву указу. И сесь свой государев указ о добровольном холопстве государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии диаком Дороге Хвацикому да Ондрею Вореву в Холопье Приказе велел записать».

²⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. [М.], 1951, стр. 417.

²⁶ А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. Вопросы истории, 1958, № 3, стр. 104; см. также: В. И. Корецкий. К истории формирования крепостного права в России. Вопросы истории, 1964, № 6, стр. 93.

ского безусловно проводило мероприятие чрезвычайное,²⁷ вызванное конкретными обстоятельствами крестьянской войны.

Некоторые черты данного указа свидетельствуют о том, что он подготавливался в спешке, и это вполне соответствовало условиям его принятия. Так, например, формулировка указа, устанавливающая принцип добровольности при взятии служилых кабал на добровольных холопов вне зависимости от длительности службы у господина, повторяет в несколько измененном виде формулировку уложения 1597 г. (с процедурой опроса относительно продолжительности прежней добровольной службы), однако здесь это полностью лишено смысла, так как в уложении 1597 г. в зависимости от длительности службы определялось то или иное решение (до полугода — отпустить на свободу; свыше полугода — оформить по требованию холоповладельца служилую кабалу), а в указе судьба добровольного холопа решалась вне зависимости от этого — исключительно желанием или нежеланием самого добровольного холопа дать на себя служилую кабалу. Вместе с тем указ 7 марта 1607 г. не давал ответа на вопрос, означала ли отмена соответствующих постановлений уложения 1597 г. возврат к указу 1555 г. с его отказом принимать от холоповладельцев иски о краже имущества к покинувшим их добровольным холопам.²⁸ Однако употребление составителем указа 7 марта 1607 г. формулы «не держи холопа без кабалы ни одново дни, а держал безкабално и кормил и то у себя сам потерял», фактически идентичной формуле указа 1555 г. («...то и у себя потерял того для, что добровольному человеку верил и у себя его держал без крепости»),²⁹ свидетельствует, во-первых, что ему был известен указ более чем пятидесятилетней давности, во-вторых, что он использовал данную мотивировку в демагогических целях. И действительно, если в старом указе речь шла о том, чтобы стимулировать холоповладельцев к взятию каких-либо крепостей на поступающих к ним в службу людей, то здесь имелось в виду обосновать точно таким же образом мероприятие совершенно противоположного свойства, лишаящее холоповладельцев права брать служилые кабалы на добровольных холопов вопреки желанию последних.

Только через два с лишним года, когда восстание Болотникова было уже подавлено, правительство Василия Шуйского решилось несколько отступить от указа 7 марта 1607 г., включив в указ

²⁷ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. стр. 418.

²⁸ Неясен также смысл исключения старинных холопов из числа подающих под действие указа 7 марта 1607 г. категорий: имел ли в виду составитель указа отменить то постановление уложения 1597 г., которым документально не оформленное старинное холопство приравнивалось к добровольному, или в указе идет речь лишь о документально оформленном старинном холопстве.

²⁹ ПРП, вып. 4, стр. 514.

21 мая 1609 г. статью,³⁰ которой в качестве временной меры холоповладельцам разрешалось задерживать добровольных холопов, прослуживших не менее пяти лет, впредь до общего узаконения о добровольных холопах. Это было еще не полное возвращение к уложению 1597 г. (как полагает В. И. Корецкий)³¹ с его разрешением брать служилую кабалу на добровольных холопов, прослуживших не менее полугодом, ведь в данном указе речь идет о пятилетнем сроке, а не о полугодовом, и не давалось разрешение насильственно оформлять служилые кабалы даже и на тех добровольных холопов, которые прожили у господина от пяти лет и более. Однако власти встали уже на путь пересмотра указа 7 марта 1607 г., предполагая завершить этот пересмотр в будущем.

Подходящий момент наступил не сразу, но все же 12 сентября 1609 г. состоялось решение «тот прежний приговор» (от 7 марта 1607 г.) «отставить» и возвратиться в вопросе о добровольных холопах к уложению 1597 г. в полном его объеме.³² Это означало, во-первых, что восстанавливалась норма, согласно которой холоповладелец имел право взять в любой момент служилую кабалу на добровольных холопов, если мог доказать, что он жил у него не менее полугодом, и, во-вторых, что восстанавливалась норма, запрещающая добровольному холопу, прослужившему не менее полугодом, покидать своего господина, даже если на него и не была оформлена служилая кабала, а другие холоповладельцы не имели права принимать таких добровольных холопов. Вместе с тем норма уложения 1597 г., согласно которой необходимо было в срочном порядке перевести всех добровольных холопов, прослуживших к моменту реализации уложения не менее полугодом, в категорию кабальных холопов, к этому времени давно устарела, казалось бы, потому, что реализация этого предписания должна была быть завершена в 1598 г. Однако наблюдения над материалами конца XVI—начала XVII в. дают основания утверждать, что устарела данная норма вовсе не поэтому, а в связи с невыпол-

³⁰ Там же, стр. 380: «А которые холопы у государей своих служат безкабално, лет пять или шесть, или десять и болши, а ныне они государем своим на себя кабал не дают, и тех холопей, которые холопы живут безкабално лет пять или шесть или десять и болши, приказал государь, их отдавати старым их государем, у которого они живут, до своего государева указу, а о том рекаж государь говорить с боярь».

³¹ В. И. Корецкий. К истории формирования крепостного права в России, стр. 94.

³² ПРП, вып. 4, стр. 377: «И 118 сентября в 12 день, князь Григорий Васильевич Гагарин, да дьяк Пенек Жуков, да Павел Матюшкин, о сей холопье статье, что о добровольных холопах в прошлом во 115-ом году в Судебник приписано, в Верху бояр докладывали; и бояре все тот прежней приговор 115 году указали отставить, а приговорили: о добровольном холопстве быти той статье по государеву прежнему указу, как уложено и в Судебник приписано блаженные памяти при государе и царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси 105-го году»; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 900, 901.

нением ее предписаний в процессе практической реализации уложения 1597 г.

Так, в обычные кабальные книги текущей регистрации, по крайней мере начиная с 1599 г., вносились служилые кабалы не только на вольных людей, полугодовая служба которых истекла после 1598 г., а и на таких документально не оформленных холопов, шесть месяцев службы которых минули задолго даже до самого уложения 1597 г. Например, 30 ноября 1599 г. Василий Аввакумов дал на себя служилую кабалу Ивану Асанакону сыну Милюкову, «а в распросе сказал: родом дмитровец, и взрос походя по городам, а жил в Деревской пятине у сына боярского у Ивана у Осанаконна сына Милюкова добровольно лет з дватцать».³³ Подобно тому же Родионка Ондреев сын с семьей дал кабалу Ивану Секирину, «а в розпросе Родивонка сказал: служил у него ж у Ивана лет з дватцать».³⁴

Запись таких кабал в кабальные книги свидетельствует о том, что власти примирились с невыполнением частью холоповладельцев по крайней мере одного предписания уложения 1597 г. и вынуждены были на практике приравнять добровольных холопов, чья зависимость должна была быть (в порядке реализации уложения 1597 г.), но не была на деле (в нарушении этого уложения) оформлена служилой кабалой, к тем документально не оформленным холопам, полугодовая служба которых истекла после реализации уложения, почему и вопрос о том, брать на таких холопов служилые кабалы или не брать, оставался на усмотрение самих холоповладельцев, а нормы уложения вступали в действие лишь в конфликтных случаях.³⁵

Возвращаясь к тем нормам уложения 1597 г., которые восстанавливались решением от 12 сентября 1609 г., следует отметить, что и они на практике не всегда применялись даже центральными властями строго в соответствии с его смыслом. Например, в приговоре Приказа Холопьяго суда 1621 г. по делу между двумя холоповладельцами норма о добровольном холопстве уложения 1597 г. излагается так: «...а по государеву указу и по боярскому приговору без крепостей людей у себя держати никому не велено и полугоду».³⁶ Приказ Холопьяго суда трактовал в данном случае уложение 1597 г. как постановление, вовсе запрещавшее держать без документального оформления добровольного холопа, если он прослужил не менее полугода, хотя на самом деле эта трактовка не соответствовала смыслу уложения 1597 г. Мысль

³³ Новгородская кабальная книга 7108-го года. РИБ, т. 15, стр. 11—12.

³⁴ Там же, стр. 13, ср. стр. 14, 15, 19, 20 и др.

³⁵ В. М. Палея х. Уложение 1597 г. о холопстве, стр. 187.

³⁶ Документы (тяжбы по холопьям делам). В кн.: А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Русском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943, стр. 335, ср. стр. 446, 490.

о произвольности в данном случае толкования Приказом Холмошского суда уложения 1597 г. подтверждается широко распространенной практикой взятия служилых кабал (с соблюдением всех формальностей) на добровольных холопов, прослуживших до этого в хозяйстве того же холоповладельца значительно дольше полугода.³⁷ Согласно местным властям внести подобные кабалы в кабальные книги свидетельствует о том, что они признавали их законными и взятыми без нарушения уложения 1597 г.

Восстановленные применительно к добровольному холопству нормы уложения 1597 г. (с некоторыми немаловажными отклонениями, вносимыми практикой) действовали вплоть до Соборного уложения 1649 г., когда институт добровольного холопства подвергся новому регулированию в статьях 16—18 главы XX.³⁸

³⁷ См., например, служилую кабалу, оформленную 23 февраля 1627 г. и внесенную в кабальную книгу, в которой имеется указание: «... служил у него (холоповладельца, которому дается кабала, — В. П.) до сее кабалы с десять лет» (ГБЛ, Акты Белиева, ч. II, 15/1, № 3; С. М. Каширинов. Историко-правовой обзор [к Актам феодального землевладения и хозяйства]. ПРП, вып. 5, М., 1959, стр. 99); см. также новгородскую кабальную книгу 1647 г., в которой зарегистрирована служилая кабала на человека, утврждавшего, что он «во дворе... в холопах ни у кого не служивал». Однако у данного холоповладельца «он живет ныне другой год, а ныне бьет челом ему же и служилую кабалу на себя дает» (ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, кн. 497, л. 3).

³⁸ ПРП, вып. 6, М., 1957, стр. 332—333: «16. А будет которые вольные люди на Москве и в городех бьют челом кому в холопство добровольно, и бив челом, учнут у тех людей, кому они бьют челом в холопство, жити безкабально месяц, или два, или три месяцы, а те люди, кому они бьют челом в холопство, приведут их в Холмошский приказ и учнут на них бить челом Государю, что они служат у них многое время, а служилых кабал на себя не дадут, и чтоб на тех людей указал Государь дати им кабалы; а будет приводные люди кабал на себя дати не похотят, а жили они у тех людей меньше трех месяцев; и тех людей отпущати на волю, а служилых кабал на них не давати по тому, что они жили у них безкабально немногое время. А будет сыщется, что жили больше трех месяцев; и на тех людей кабалы давати и по неволе, хотя они к ним итти и не похотят».

«17. А будет такие вольные люди, у кого живучи в холопстве добровольно, без крепости, пойдут от них прочь с отказом, или без отказу, и те люди, от которых они пойдут, учнут на них искати сносос, хотя их тем у себя удержати: и им на тех людей, которые от них отойдут, в снососе суда не давати для того, что он холопу верил, и у себя его держал без крепости».

«18. А которой человек живет у кого безкабально, а грамоте он умеет, и учнет тот человек во всяких писмах писатися холопом того человека, у кого он живет безкабально, а после того он у того человека жити не похочет, и отшел от него, даст кому иному служилую кабалу: и тот человек крепок тому, кому он даст на себя кабалу. А будет тот, у кого он жил безкабально до той кабалы, учнет на него бити челом, и станет его уличать по грамоткам руки его: и ему отказать по тому, без кабалы держать не велено. А что он в писмах писался холопом того человека, у кого он жил безкабально: и тех писем таким людям в крепости не ставить».

Прежде всего составители Соборного уложения встали на гочку зрения правового непризнания добровольного холопства как самостоятельного существующего социального института.

Косвенно это подтверждается исчезновением терминов «добровольный холоп» или «вольный холоп» и введением терминологического сочетания «жити безкабально», «живет... безкабально», хотя еще сохраняются сочетания «бьет челом... в холопство добровольно», «живучи в холопстве добровольно». Однако в ст. 18 главы XX имеются и прямые тому свидетельства. Во-первых, здесь в связи с рассмотрением частного вопроса дается толкование общей нормы, сформулированной в ст. 16 главы XX, и толкуется она следующим образом: «...без кабалы держать не велено». Во-вторых, рассматривая столкновение двух прав на одного человека — права холоповладельца, у которого он служил бескабально (хотя бы этот человек и называл себя в собственноручно написанных документах холопом), и права холоповладельца, взявшего на него же служилую кабалу (даже и после того, как данный человек пожил бескабально у первого холоповладельца), — законодатель решает его в пользу кабалы и отвергает в качестве крепости любые самодельные и официально не оформленные документы: «...и тех писем таким людям в крепости не ставить». За этим решением и его формулировкой угадывается мысль, что бескабальная служба вовсе и не холопство, а временное состояние, из которого может быть только два пути: либо на волю, если бескабальная служба, согласно ст. 16 главы XX, не превышала трех месяцев, либо в кабалные холопы, если три месяца уже истекли.

Не удивительно в этой связи, что в Соборном уложении отразился новый взгляд на обстоятельства возникновения отношений между холоповладельцем и добровольным холопом, который, по-видимому, был результатом успешного наступления крепостнического государства на институт добровольного холопства. Теперь бескабальная служба, по мысли составителя Соборного уложения (гл. XX, ст. 16), могла возникнуть лишь в результате такой бытовой ситуации, при которой бьющий «челом в холопство» (кабалное) отказывается своевременно оформить на себя служилую кабалу, т. е. брал назад свое добровольное согласие, данное в устной форме, поступить в кабалные холопы, и только в этом случае по желанию холоповладельца пускалась в ход процедура отнесения к длительности бескабальной службы. Судьям предписано было руководствоваться общим правилом, согласно которому трехмесячный срок бескабальной службы являлся гранью между свободой и несвободой.

Эта норма оказалась заимствованной из уложения 1597 г. с сокращением предельного полугодового срока добровольной службы до трех месяцев. Любопытно, что фигурирующий в уложении 1597 г. мотив, из которого исходили законодатели при

разработке этой нормы («потому что тот человек того добровольного холода кормил и одевал и обувал»), полностью вышел из Соборного уложения. Нет никаких оснований полагать, что власти теперь считали его утратившим силу и исходили при введении трехмесячного срока из каких-либо других соображений. Просто пятидесятилетняя практика применения уложения 1597 г. сделала данный житейский мотив достаточно привычным и в быту, и в праве.³⁹

Однако составители Соборного уложения отказались от той нормы уложения 1597 г., которая запрещала добровольному холоду, прослужившему установленный срок (для Соборного уложения он равнялся бы трем месяцам), покидать своего господина, даже если бы на него и не была оформлена служилая кабала, а другим холоповладельцам — принимать таких добровольных холопов (с предписанием «в спосе давати суд и управа» и в случае отсутствия документального укрепления отношений между господином и холопом), и тем самым приравнивали добровольное холодство к кабальному холодству с его службой по смерти господина.⁴⁰

Отказ от этой наиболее закрепостительной нормы уложения 1597 г. означал, между прочим, что составители Соборного уложения, в целом усилив закрепостительную направленность законодательства по добровольному холодству, в некоторых отношениях вынуждены были отступить от нее. Впрочем, мы не имеем данных о практическом применении этой нормы уложения 1597 г. Однако можно полагать, что она оказалась невыполнимой ввиду затруднительности в спорных случаях принимать решения при полном отсутствии документальных доказательств. Кроме того, она фактически противоречила проводимым уложением 1597 г., да и всем законодательством второй половины XVI—первой половины XVII в. принципам решения спорных дел в пользу документально оформленного холодства.

Но отказавшись от данной нормы уложения 1597 г., составители Соборного уложения открыли путь для фактического восстановления указа 11 октября 1555 г., отмененного уложением

³⁹ См., например, судебное дело между Александром Лазаревым сыном Крюковым и Павликом Никитиным Бешенцовым, в котором последний отвергает притязания Крюкова взять на него служилую кабалу утверждением, что он, прожив 20 лет тому назад одну зиму у Александра Крюкова, «шил и ел свое, а не ево, Александрово» (А. И. Яковлев, Холодство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I, стр. 134).

⁴⁰ Само собой разумеется, что Соборное уложение 1649 г. не могло восстановить явно устаревшее предписание уложения 1597 г. о срочном переводе всех добровольных холопов, прослуживших к моменту реализации уложения не менее полугода, в категорию кабальных холопов. Впрочем, это предписание устарело уже к моменту восстановления 12 сентября 1609 г. норм уложения 1597 г.

1597 г. И действительно, в гл. XX Соборного уложения 1649 г. оказалась внесенной ст. 17, почти дословно повторяющая указ 1555 г.⁴¹ Отличие состояло лишь в том, что в ст. 17 вместо выражения «у которых они служили» (указ 1555 г.) читаем «у кого живучи в холопстве» и вместо «добровольному человеку верил» — «холоцу верил». Однако подобная терминологическая эволюция была отмечена выше при сравнении уложения 1597 г. с указом 1555 г. и в данном случае не является каким-либо новшеством.

Включение в состав Соборного уложения 1649 г. норм указа 1555 г. означало, что власти восстанавливали запрещение задерживать людей, которые служили у кого-нибудь добровольно (т. е. без крепости), даже и путем предъявления исков о краже имущества и тем самым возобновляли попытку стимулировать холоповладельцев к взятию крепостей на поступающих к ним в службу людей посредством угрозы систематического и уголовно не преследуемого обворовывания добровольными холопами дворов своих господ. Холоповладельцы подталкивались к взятию кабал на добровольных холопов как можно скорее, ибо закон отныне не защищал холоповладельца от кражи его имущества добровольными холопами не только по истечении трехмесячного срока, но и до этого. Отказ в правовой охране холоповладельцев, державших у себя людей без служилых кабал, с самого начала бескабальной службы вполне согласуется с отмеченным выше правовым непризнанием добровольного холопства по Соборному уложению, хотя безусловно вступает в некоторое противоречие с признанием тем же Соборным уложением законности трехмесячной бескабальной службы.

Подобно тому как в 1597 г. московское правительство отменило указ 1555 г., сочтя его малоэффективным для борьбы за ликвидацию добровольного холопства, и разработало взамен нормы более, с его точки зрения, действенные, теперь, в 1649 г., те же власти, убедившись в недостаточной эффективности одного только уложения 1597 г., восстановили нормы указа 1555 г., однако не отвергли (за одним исключением) соответствующей части уложения 1597 г., а дополнили его нормы нормами указа 1555 г. Таким образом, в Соборном уложении 1649 г. были объединены нормы указа 1555 г. и уложения 1597 г. Нет никаких сомнений в том, что предпринято это было все с той же целью — ограничить распространение добровольного холопства, сузить сферу его применения в хозяйствах феодалов, документально закрепить, а тем самым окончательно закрепить контингент лиц, идущих в добровольное холопство.

Следует, однако, отметить, что ст. 16 гл. XX Соборного уложения 1649 г. (как и уложение 1597 г.), строго говоря, вовсе не

⁴¹ См. выше, стр. 199.

запрещала держать людей без служилых кабал сверх определенного срока (безразлично в данной связи, шла ли речь о шести или о трех месяцах), а давала общую норму для применения в спорных случаях по инициативе холоповладельцев, что и подтверждается введением в Соборное уложение ст. 17 (той же главы), которая предусматривает возможность существования бескабальной службы, хотя и не одобряет ее.

Приведенное выше толкование (в ст. 18) ст. 16 («без кабалы держать не велено») не может быть расценено в качестве запрещения бескабальной службы, превышающей трехмесячный срок, а является симптомом правового неирригирования добровольного холопства как самостоятельного существующего социального института. И действительно, отсутствие в Соборном уложении санкции за нарушение запрещения бескабальной службы сверх трех месяцев весьма симптоматично, если не считать его стихийно возникшую ситуацию, при которой человек, служивший без кабалы и покинувший своего господина (вне зависимости от того, сопровождалось это кражей господского имущества или нет), в судебном порядке по закону не преследовался (гл. XX, ст. 17). Но если расценивать это как санкцию, то неизбежно следует сделать абсурдный вывод о перекладывании законодательством карательной функции, направленной против холоповладельцев, на самих людей, служивших у них без кабалы. А ведь допустимо предположить, что добровольный холоп мог и не покидать холоповладельца, и не обкрадывать его. Предусмотрено ли Соборным уложением в этом случае какое-либо преследование холоповладельца, согласившегося держать у себя человека без кабалы? Безусловно, нет. Все это свидетельствует о недостаточно успешной на протяжении 1550—1649 гг. борьбе за ликвидацию данного института.

Подводя итоги обзора законодательства, посвященного добровольному холопству, следует отметить прежде всего тенденцию, проявляющуюся на всем протяжении рассматриваемого столетнего периода, несмотря на зигзаги правительственной политики в данном вопросе. Имеем в виду линию на юридическое закрепление добровольных холопов и даже стремление вовсе ликвидировать институт добровольного холопства. Несомненно, в этом проявилась общая закрепостительная тенденция политики центральной власти во второй половине XVI—первой половине XVII в. С другой стороны, институт добровольного холопства оказался на практике весьма устойчивым и живучим, почему властям приходилось в борьбе за его ликвидацию пробовать различные методы, временно или окончательно отказываясь от некоторых не оправдавших себя мер, отступать и возвращаться вновь к прежним. И все же к середине XVII в. добровольное холопство, несмотря на постоянное противодействие крепостнического государства, продолжало существовать, почему даже для

составителей Соборного уложения 1649 г. борьба за ликвидацию этого института оставалась актуальной задачей.

Несомненно, добровольное холопство играло во второй половине XVI и в начале XVII в. существенную роль (как в количественном, так и в социальном плане). Кульминация его роста, очевидно, относится к рубежу XVI—XVII вв. Добровольные холопы оказались к этому времени массовой, достаточно активной и настолько опасной социальной группой, что правительство царя Василия Шуйского вынуждено было в разгар восстания Болотникова спешно коренным образом изменить условия функционирования этого института и лишь после его подавления смогло восстановить прежние нормы.

Таким образом, во второй половине XVI—первой половине XVII в. в социальной сфере столкнулись две враждебные друг другу тенденции: стихийный рост добровольного холопства и закрепостительная политика властей, направленная на ограничение такого роста и в конечном счете ликвидацию института.

Эта борьба тенденций шла с переменным успехом, и если имеются основания утверждать, что в данном вопросе закрепостительная тенденция к середине XVII в. взяла верх в области права, то такая же оценка итогов борьбы в сфере социальных отношений и в быту была бы преждевременной, хотя, конечно, значение добровольного холопства резко пошло на убыль.